

В углу учебного класса тихо опустились два клочка бумаги. Покачиваясь в застывшем воздухе, они мягко легли на пол и проскользили немного вперёд.

На обоих листках аккуратным почерком было выведено одно и то же имя — «Чэнь Лянчжи». Вот только один клочок оказался тонким, точно крыло цикады, а второй — плотным и шероховатым. Сложенные вместе, они когда-то составляли единое целое, пока бумагу не расслоили надвое. Это объясняло, почему Чэнь Лянчжи погиб столь жуткой смертью — лишившись кожи, которая слезла с его тела единым пластом.

В этом безумном мире человеческая жизнь стоила не дороже тонкого бумажного листа, а способ расправы зависел исключительно от прихоти Чуньцзы.

Юй Мэнмэн поднялась, опираясь о стену. Сидевший напротив Эньцзинь хранил абсолютное спокойствие — на его лице не отразилось ни единой эмоции, будто ничего не произошло.

Она ткнула в него дрожащим пальцем:

— Почему ты молчишь?! Чэнь Лянчжи сдох прямо у тебя на глазах, а тебе хоть бы хны! Тварь хладнокровная... Это ты! Это ты их всех угробил!

Под конец Юй Мэнмэн сорвалась на истошный, истерический визг.

Присутствующие уставились на Эньцзиня. Его ледяное равнодушие выглядело пугающе неестественным. Даже если между ним и Чэнь Лянчжи вражда била ключом, нормальный человек, увидев, как прямо перед ним в муках и луже крови гибнет живой соратник, проявил бы хоть каплю ужаса или отвращения. Но лицо Эньцзиня оставалось маской.

Будто всё происходящее изначально входило в его планы.

Эньцзинь не спеша поднялся, проигнорировав чужие взгляды, и повернулся к сидевшему рядом Гу Мэну:

— Я возвращаюсь к себе. Пойдёшь со мной?

На душе у Гу Мэна скребли кошки. Поколебавшись, он всё же кивнул — нужно было поговорить наедине.

Они молча покинули учебный класс один за другим.

— Давайте проголосуем! — в панике закричала Юй Мэнмэн. — Он же выдал себя с головой! Неужели вы так и будете сидеть сложа руки?!

Она вскинула дрожащую руку, озираясь с безумной надеждой:

— Я голосую против Эньцзиня! Кто со мной? Ну же! Нас осталось десятеро, нужно ещё четверо! Если наберётся пять голосов, мы вышвырнем этого ублюдка из игры!

Чжан Гоцян замялся, избегая смотреть ей в глаза. Наконец он с силой грохнул кулаком по столу и направился к выходу:

— Мне нужно подумать.

Бо Е и Тан Чжи тоже пропустили призывы Юй Мэнмэн мимо ушей и без лишних слов покинули комнату.

Перед тем как переступить порог, Тан Чжи оглянулся на безжизненное тело, распластанное на парте. Сквозь липкие потоки крови он попытался разглядеть отметину за ухом погибшего. Юноша ожидал увидеть там привычную литеру «А», но внезапно замер и прищурился.

Потянув Бо Е за рукав, Тан Чжи негромко произнес:

— Появилась «В».

В гнетущей тишине класса Цинь Цзинцзин нервно одёрнула подол юбки и с трудом сглотнула слюну.

— Я... пожалуй, тоже пойду, — пролепетала она, пытаясь проскользнуть вдоль стены к выходу.

Однако Сюй Син шагнул вперёд и плотно прикрыл за собой дверь.

— Цзинцзин, задержись на минуту, — ровным, будничным тоном попросил он.

Девушка затаила дыхание, испуганно озираясь на тех, кто остался в помещении. Она мысленно пересчитала присутствующих.

Их было пятеро. Ровно пять человек — необходимое большинство для голосования.

Шуйсин неторопливо опустила на стул и принялась лениво разглядывать свои ногти. В изгибе её склонённой головы и линии профиля сквозила какая-то порочная, дурманящая красота.

Оказавшись в комнате, Гу Мэн развернул стул лицом к кровати и жестом предложил Эньцзиню присесть на край матраса.

Тот послушно устроился на постели и протянул ему набросок:

— Я написал имя.

Гу Мэн взял лист, мельком взглянул на рисунок и уточнил:

— Не против, если я его сложу?

Эньцзинь покачал головой. На его безупречно красивом лице застыло безмятежное, почти детское послушание.

Сложив бумагу в несколько раз, Гу Мэн убрал её в глубокий карман школьного пиджака. Затем он пристально посмотрел собеседнику в глаза и серьёзно спросил:

— Ты терпеть не мог Чэнь Лянчжи?

Эньцзинь отрицательно качнул головой, даже не задумавшись. Его взгляд, устремлённый на Гу Мэна, оставался обезоруживающе чистым и ясным.

— Но когда он умирал... — Гу Мэн нахмурился, чувствуя, как внутри зарождается подозрение.
— Неужели ты совсем ничего не почувствовал?

Помедлив, Эньцзинь спокойно ответил:

— Его кровь брызнула на бумагу и испортила мой рисунок. Это меня немного разозлило. Подобное чувство сойдёт?

У Гу Мэна внутри всё похолодело. Равнодушие Эньцзиня пугало, оно выходило далеко за рамки нормального человеческого поведения. «Чистой воды социопат», — мелькнула тревожная мысль.

Крепко сжав пальцами плотную ткань форменных брюк, он нерешительно спросил:

— Эньцзинь... Неужели ты совсем ничего не помнишь о своей жизни до того, как очутился в этой игре?

— Ты мне не веришь, — тихо произнёс тот. Голос его звучал ровно и мягко, напоминая зеркальную гладь ночного озера. — Ты сомневаешься во мне. Точно так же, как и все

остальные.

У Гу Мэна пересохло во рту. Он нервно облизал губы, чувствуя неловкость и стыд за то, что залез парню в душу.

— Да я... я просто спросил...

— Гу Мэн, — Эньцзинь резко подался вперёд, ловя его взгляд. Их лица оказались так близко, что они едва не соприкоснулись кончиками носов. — Если бы на месте покойника оказался ты, я бы не остался равнодушным.

Гу Мэн оцепенел. Вглядываясь в бездонную черноту чужих глаз, он забыл, что нужно отстраниться.

— И... что бы ты сделал?

— Не знаю, — честно признался Эньцзинь. — Когда умирают посторонние, мне плевать. Но когда я представляю, что на их месте лежишь ты... в моих глазах сразу закипают слёзы.

Наступил четвертый день. Оставшиеся десять участников, как обычно, потянулись к актовому залу.

Юй Мэнмэн, не сомкнувшая глаз за всю ночь, балансировала на грани нервного срыва. Она напоминала охапку сухого хвороста — вспыхивала от малейшей искры. Заметив её неадекватное состояние, игроки лишь сокрушённо качали головами и старались держаться подальше, оставив девушку наедине с её истериками в самом тёмном углу.

Следуя указаниям учительницы Сяюй, мужчины вытащили из подсобки массивный стол из красного дерева и водрузили его в самом центре сцены.

Гу Мэн принялся стирать с вековой столешницы плотный слой пыли. Собравшись ополоснуть грязную тряпку в стоявшем рядом пластиковом тазу, он замер: на зеркальной глади воды промелькнул чужой силуэт. Окровавленная фигура с длинными прямыми волосами, полностью закрывавшими лицо, медленно двигалась в отражении. На женской школьной форме расплывались багровые, сочащиеся сукровицей пятна. Призрак бесшумно прошествовал справа налево.

От неожиданности Гу Мэн разжал пальцы. Тряпка с плеском шлёпнулась в таз, пустив по воде круги и разрушив жуткое видение. Тяжело дыша, он резко вскинул голову.

Услышав всплеск, стоявшие у кулис Цинь Цзинцзин и Шуйсин разом обернулись:

— Учитель Гу, что-то не так?

Гу Мэн скользнул взглядом по воде — таз был пуст. Он выдавил бледную улыбку и спросил, стараясь говорить как можно спокойнее:

— Вы... только что не заметили ничего странного? Будто мимо кто-то прошёл?

Цинь Цзинцзин испуганно заозиралась по сторонам и инстинктивно прижалась ближе к Шуйсин.

— Что вы имеете в виду? Я всё время тут стояла, но ничего подозрительного не почувствовала.

Шуйсин успокаивающе похлопала девушку по плечу и с укоризной посмотрела на мужчину:

— Учитель Гу, ну хватит вам пугать молодёжь своими выдумками. Я только что перешла сцену из-за кулис, там ни души.

— Да, наверное, нервы шалют в последнее время, — виновато улыбнулся Гу Мэн. — Померещилось просто.

Однако тревожный осадок в душе остался.

Когда с убранством зала было покончено, учительница Сяюй оценила труды и осталась вполне довольна.

День пролетел незаметно. Но когда часы пробили восемь вечера, в жилых комнатах воцарилась удушливая атмосфера паники. Предыдущий опыт подсказывал, что две жертвы в сутки — это негласный лимит Чуньцзы. Однако сегодня никто до сих пор не погиб. Это странное затишье перед неминуемой бурей изводило людей похлеще явной угрозы, лишая сна и покоя.

Сюй Син перехватил Тан Чжи в коридоре шестого этажа. Обменявшись дежурными приветствиями, он вдруг вспомнил о важном вопросе и поспешно окликнул юношу:

— Канди, стой! Что ты думаешь насчёт литеры «В», которую нашли у Чэнь Лянчжи?

Тан Чжи, уже взявшийся за дверную ручку, замер. Помедлив секунду, он обернулся и задал встречный вопрос:

— Сюй Син, а ты получал то странное сообщение об Эньцзине?

Сюй Син привычным жестом поправил очки. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Нет, не получал.

Тан Чжи прислонился спиной к стене и задумчиво произнёс:

— Мы с Бо Е размышляли над этим. С самого первого дня мы все сидели в актовом зале, никто не нарушал правила, все двигались в одном ритме. И всё же одни умирают, а другие продолжают жить. То ли наш час ещё попросту не пробил, то ли... мы пока в безопасности. Жертв уже шесть. Чэнь Лянчжи пробыл с нами дольше остальных погибших. Как думаешь, чем его поведение отличалось от нашего?

Сюй Син нахмурился, силясь уловить мысль:

— Ты намекаешь на те СМС?

Тан Чжи кивнул. В его ясных, поразительно красивых глазах промелькнул холодный блеск.

— Он пытался сколотить альянс за чужими спинами, плести интриги. Фактически — жульничал. А это вполне тянет на нарушение правил системы. Пожалуй, это единственное, что отличало его от нас.

На мгновение Сюй Син оцепенел, лицо его сделалось пустым.

— Но... как же остальные погибшие?

Тан Чжи безразлично пожал плечами:

— Скорее всего, их гибель тоже как-то связана с этими сообщениями.

— Погоди... ты ведь сказал, что это всего лишь догадка? — Сюй Син выглядел абсолютно потерянным, голос его дрожал. — Точно просто теория?

— Да, просто теория, — спокойно подтвердил Тан Чжи. — Не более чем рассуждения на основе крупиц информации. В любом случае, раз уж у нас появилась литера «В», эти метки за ушами мертвецов — ключевая подсказка. До конца игры осталось всего три дня. Надеюсь, мы успеем во всём разобраться до воскресенья.

Сюй Син рассеянно кивнул, погружённый в свои мысли:

— Да... надеюсь...

В десять вечера, перед тем как лечь спать, встревоженный Чжан Гоцянь решил обойти все комнаты и лично убедиться, что все живы.

Приняв визит, Гу Мэн поблагодарил его и пожелал доброй ночи. Но едва дверь закрылась, как из коридора донёлся стук в соседнюю комнату, а следом — истеричные вопли Юй Мэнмэн:

— Ты издеваешься?! Припёрся на ночь глядя проверить, сдохла я или нет?! Спишь и видишь, как меня выносят вперёд ногами, чтобы спать спокойно, да?! Ублюдок!..

Гу Мэн мысленно посочувствовал бедному Чжан Гоцяню. Похоже, у девицы окончательно съехала крыша. Решив не вникать в чужие разборки, он вздохнул и отошёл от двери.

После той жуткой встречи с Чуныцзы в первую ночь Гу Мэн спал на одной кровати с Эньцзинем — исключительно из соображений собственной безопасности. Проще говоря, панически трусил оставаться один.

Он первым забрался под одеяло, устроившись у самой стены. Посмотрев на широкую спину мужчины, сидевшего за письменным столом, Гу Мэн негромко произнёс:

— Я спать. Если ночью почувешь что-то неладное — сразу буди меня.

Пока что в лагере царил относительный покой. Никто, разумеется, не жаждал новых жертв, но тот факт, что сегодня Чуныцзы так и не выполнила свою «дневную норму» в два трупа, вызывал смутную тревогу. Это было совершенно не в её стиле.

В этот момент Эньцзинь с тихим хлопком закрыл увесистый толковый словарь китайского языка и аккуратно отложил его на край стола.

— Ну что, гений, одолел фолиант? — добродушно поддразнил его Гу Мэн.

— Угу, — Эньцзинь кивнул и поднялся со стула, собираясь лечь. — Здесь ровно шестьдесят пять тысяч словарных статей. Я запомнил каждую.

Гу Мэн лишился дара речи.

У Эньцзиня имелась одна удивительная особенность: он умудрялся нести откровенную чушь с настолько невозмутимым видом, что невольно хотелось поверить.

Потушив свет, Эньцзинь на ощупь забрался под одеяло и негромко добавил:

— Правда, на практике применять их пока тяжеловато.

Уставившись в тёмный потолок, Гу Мэн усмехнулся:

— Главное, чтобы тебе это приносило радость.

«Даже если для этого приходится безбожно заливать».

Глубокой ночью Гу Мэна бесцеремонно растрясали за плечо.

— Гу Мэн, проснись. Что-то происходит.

Шёпот Эньцзиня был едва слышным, но этого хватило, чтобы сон мгновенно слетел с Гу Мэна.

— Что там? — шёпотом спросил он, протирая глаза и приподнимаясь на локте. В тусклом лунном свете, заливавшем комнату через окно, лицо напарника казалось бледной маской.

Эньцзинь не отрывал взгляда от глухой перегородки:

— Внутри стены кто-то есть.

Гу Мэна прошиб холодный пот.

Затаив дыхание, он вслушался в мертвенную тишину спальни. И действительно — со стороны стены доносился едва различимый, монотонный скрежет. Звук то затихал, то нарастал, подчиняясь какому-то странному ритму. Казалось, кто-то медленно шоркает по бетону... или сухо стучит костями.

Кожа на голове поползла от ужаса. Быстро подобрав ноги, Гу Мэн сел по-турецки и жестом подозвал Эньцзиня ближе к стене.

Устроившись друг напротив друга, они синхронно прижали уши к холодной штукатурке.

Скрип-скрип. Тук-тук.

Звук сделался отчетливым, пугающе близким, будто скреблись прямо у них за ушными раковинами.

Эньцзинь склонился на него и одними губами произнёс:

— За стеной — комната Бо Е.

Ладони Гу Мэна мгновенно взмокли. Их спальни разделяла всего одна тонкая перегородка, и теперь стало ясно: этот жуткий звук доносился не изнутри бетонных плит, а непосредственно из соседней комнаты.

В груди зашевелилось нехорошее предчувствие. Несмотря на то, что они знали Бо Е и Тан Чжи всего ничего, в условиях постоянной смертельной угрозы привязанность к людям крепла в разы быстрее обычного. Мысль о том, что эти двое прямо сейчас могут подвергаться смертельной опасности, отозвалась в сердце Гу Мэна щемящей тревогой. Всё-таки они были товарищами по несчастью.

— Эньцзинь... — едва слышно прошептал Гу Мэн. — Пойдём проверим?

Тот согласно кивнул.

Но не успели они отстраниться от стены, как из соседней комнаты отчётливо донёсся сдавленный, прерывистый голос Тан Чжи:

— Бо Е... больно... Слишком глубоко...

Гу Мэн застыл на месте.

Эньцзинь округлил глаза.

Следом раздался тихий, несдержанный стон, переходящий в прерывистое дыхание.

А следом — настойчивый, ритмичный скрип старых пружин.

Скрип-скрип. Скрип-скрип.

Гу Мэн завис, уставившись в пустоту.

Эньцзинь, совершенно не понимая, что происходит, снова доверчиво приник ухом к стене. Похлопав ресницами, он с предельной наивностью спросил:

— Это что, Канди так плачет?

Лицо Гу Мэна залило густой краской стыда, в мыслях крутилось ёмкое и нецензурное ругательство. Бессильно прикрыв лицо ладонью, он обречённо махнул рукой и поспешил натянуть одеяло до самого подбородка.

— Ложись спать, — выдавил он из себя, отворачиваясь.

Однако Эньцзиня происходящее не на шутку заинтересовало. С самым увлечённым видом он продолжал подслушивать чужие интимные откровения, попутно засыпая напарника вопросами:

— Там Бо Е просит его не шуметь. Зачем?

Гу Мэн промолчал, свернувшись калачиком и уткнувшись носом в подушку.

— Канди стонет, что слишком быстро. Что именно быстро?

Гу Мэн шумно выдохнул сквозь зубы и натянул одеяло прямо на макушку, тщетно пытаясь зарыться в постель, точно перепуганный страус в песок.

— О, они, кажется, поменяли позу... Слушай, а на коленях правда удобнее?

Гу Мэн рывком сел на кровати, не выдержал и легонько отвесил любопытному парню подзатыльник.

— Да откуда мне знать, удобно им там или нет?! — яростным шёпотом прошипел он. — Что за дурацкие расспросы посреди ночи?! Будет у тебя баба — сам во всём разберёшься! Быстро закрыл рот и спать!

Получив нагоняй, Эньцзинь обиженно потёр затылок и послушно уполз на свою половину кровати.

В спальне наконец воцарилась относительная тишина, если не считать продолжавшейся за стеной возни, которая безбожно мешала спать.

Прошло несколько минут.

— Гу Мэн.

— Чего тебе? — раздражённо буркнул тот в подушку.

— А почему Бо Е назвал Канди «маленькой шлюшкой»?

Гу Мэн мысленно застонал. Ведь в заученном днём словаре чёрным по белому значилось, что это бранное слово, обычно применяемое к распутным женщинам.

— Забудь всё, что сейчас услышал. Раз и навсегда, — отрезал Гу Мэн.

— Но я правда не понимаю, — упрямо настаивал Эньцзинь.

Гу Мэн тяжело, обречённо вздохнул и натянул одеяло повыше. Посвящать этого наивного гения в тонкости постельного грязного лепета он был морально не готов.

Пришлось импровизировать на ходу:

— Это... кхм... Бо Е так выражает свою любовь. Он просто считает Канди очень милым, ясно?

— Надо же, никогда бы не подумал, что у этого слова такое значение, — искренне удивился Эньцзинь.

Он поудобнее перевернулся на бок, устраиваясь поуютнее под одеялом, и перед тем как закрыть глаза, ласково прошептал:

— Гу Мэн, ты у меня такая шлюшка.

Гу Мэн распахнул глаза. На его лице отразилась вся скорбь мира.

—... С-спасибо... за комплимент, — выдавил он сквозь зубы.

<http://bllate.org/book/19652/1963862>